

Александр ВЕТРОВ:

Вос. Москва. — 1993. — 30 июня.

ЛЕНА, ГЛЕБ, ГИТАРА, Я — НАША ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

У него звонкое, «летающее» имя — Александр Ветров. Он — ведущий солист балета Большого театра, танцовщик экстра-класса, заслуженный артист России. В «Лебедином озере» он — Зигфрид, в «Баядерке» — Солор, в «Спартаке» — Красс, в «Ромео и Джульетте» — Тибальд. Одна из любимых партий — Иван Грозный.

Недавно другой блистательный танцовщик, Михаил Лавровский, в расчете на его, Ветрова, возможности поставил балет «Фантазия на тему Казановы».

— Позади премьерные спектакли, в которых вы с блеском исполнили роль Казановы. Отгремели овации. Большой театр завершил 217-й сезон. Каким он был для танцовщика Ветрова?

— Непростым.

— Было много работы, новые партии?

— Да, из нового: па-дэ-дэ на музыку Обера, участие в необычном для меня жанре мюзикла — исполнил роль бандита Крауза. И была операция... Но через месяц я уже танцевал.

— Оказаться на больничной койке и практически не прерывать выступлений — невероятно!

— Койки в привычном смысле этого слова не было — мне оперировали колено. И давайте не будем развивать эту тему.

— То, что вы сделали, граничит, на мой взгляд, с невозможным — о чем же тогда говорить, если не об этом?

— Я даже самых близких мне людей не посвящал в это дело, не хотел лишних волнений...

— Хорошо, трудный сезон остался позади. Скажите, Александр, что вы чувствуете, о чем думаете, когда смолкает шумный карнавал искусства и начинаются обычные будни, когда вы уже не Зигфрид, не Альберт, не Абдерахман, не Казанова, а просто Ветров?

— У меня такое чувство, будто я действительно умираю в финале вместе с моим героем и продолжаю лежать там, на сцене. Это происходит после каждого спектакля — я с трудом возвращаюсь к реальной

жизни с ее повседневными заботами, проблемами на каждом шагу...

— А что в этой нашей непростой жизни доставляет вам радость?

— Недавно произошло замечательное событие — у меня родился сын! Ему уже четыре месяца. В нем сейчас заключена вся радость и весь смысл нашей с женой жизни.

— А кто ваша жена?

— Моя жена — Елена Борисова, тоже танцует в Большом театре, здесь мы с ней и познакомились. По статусу она артистка кордебалета, но я бы назвал ее начинающей солисткой. Она уже танцевала сольные партии — Мирту в «Жизели», Сирену в «Блудном сыне». Мы очень хотели ребенка. Но для каждой балерины роды — серьезное испытание, они, как правило, долго выбивают из формы. К счастью, у Лены все сложилось благополучно. Она уже работает, станцевала после родов один спектакль.

— Кто же помогает вам с женой растить сына?

— Слава Богу, у нас есть бабушки и дедушка, их помощь просто неоценима. Сейчас они с ребенком в деревне.

— Как вы называли мальчика?

— Случилось так, что он как бы сам выбрал себе имя. Еще в роддоме, куда мне удалось проникнуть, я, увидев малыша, стал называть его то одним именем, то другим, а он все плакал. На имя Глеба он улыбнулся.

— Рождение сына как-то измени-

ло ваше мировоззрение?

— Я стал смотреть на мир по-иному. Появился главный смысл в жизни. Ведь наш труд недолговечен. Работа проходит, а дети остаются. К сожалению, ребята сейчас воспитываются главным образом на телевизоре и компьютерных играх. Хотелось бы, чтобы у моего сына было по-другому. Я, например, был бы очень рад, если бы он полюбил стихи. Сам я раньше плохо воспринимал поэзию, но с годами переменялся. Знаю великое множество стихов, положенных на музыку, люблю поэзию Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Виктора Третьякова, барда, у которого очень хорошие стихи...

— Слышала, что вы и сами не чужды этого вида исполнительства — играете на гитаре, поете...

— В юношеском возрасте взял я в руки гитару. Песни — не хобби, это очень личное. Они снимают усталость. После самого тяжелого спектакля я могу всю ночь петь под гитару, если рядом мои друзья, и не устану.

Беседовала Елена ЛИТОВЧЕНКО.

Фото Ростислава ФЕДОРОВА.